

29.06.2014, 16:08 Краснодарский край

ИНТЕРВЬЮ

Михаил Савва: «Кого-то все равно заставят дать показания»

Михаил Савва — известный правозащитник в Краснодаре. 12 апреля 2013 года краевое управление ФСБ завело на него два достаточно странных **уголовных дела**, в результате чего до декабря он находился в СИЗО, затем был переведен под домашний арест, а весной нынешнего года приговорен к условному сроку и штрафу.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

«В течение нескольких последних недель подтвердилось предположение о том, что задача „реально“ посадить меня поставлена и активно выполняется», — **написал** он недавно на своем сайте.

ОВД-Инфо выяснило подробности у Михаила Саввы.

Что происходит сейчас? Почему вы опасаетесь нового уголовного преследования?

— Происходят события, полностью укладывающиеся в логику действий Краснодарского краевого управления ФСБ. В середине мая 2014 года УФСБ по Краснодарскому краю было возбуждено уголовное дело против Елены Шабло, руководителя некоммерческой организации «Информационный учебный центр «Левадос». Больше года назад, когда было возбуждено первое уголовное дело против меня, в этой организации сотрудники УФСБ провели выемку документов, а Елену «опрашивали». Как это происходило, она сама описала в заявлениях на имя федерального и краевого уполномоченного по правам человека, а также Президента России.

Вот несколько цитат из ее обращений: «С 8.00 до 17.00 8 апреля я находилась в здании УФСБ по Краснодарскому краю (Краснодар, ул. Мира 46), где четверо сотрудников УФСБ требовали от меня дать необходимые им показания о том, что средства субсидии на реализацию социальной программы по развитию социального предпринимательства были в 2012 году израсходованы моей некоммерческой организацией не по целевому

назначению. Фактически в ходе „опроса“ 8 апреля мне предлагали оговорить себя и других людей. Главным образом их интересовал М. В. Савва, который участвовал в реализации нашей программы... Люди из ФСБ знали, что в прошлом году у меня умер старший сын, и говорили, что если я не дам нужных им показаний, меня посадят, и я загублю судьбу своего второго несовершеннолетнего ребенка... Протокол „опроса“ 8 апреля составлялся сотрудниками УФСБ таким образом, что текст не отражал моих слов. Я много раз требовала внесения изменений в протокол... Один из сотрудников УФСБ во время „опроса“ заявил: „Жаль, что вы женщина, иначе мы бы быстро развязали вам язык“. В ответ на мой вопрос на это заявление, будут ли меня бить, он ответил, что для получения показаний есть другие средства, например, химические».

Елену в полубессознательном состоянии отпустили 8 апреля прошлого года с этого «опроса» в УФСБ только после того, как я по своему прослушиваемому телефону стал договариваться с коллегами по Общественной наблюдательной комиссии о проведении срочной инспекции с целью найти ее. Мать Елены успела в тот день подать в полицию заявление об исчезновении человека. Конечно, по ее жалобам никаких нарушений «выявлено не было». Интересно, что должно произойти, чтобы действия российских «правоохранителей» признали преступными? Судя по последним уголовным процессам, только убийство. На меньшее их коллеги не согласны...

12 апреля 2013 года я оказался в СИЗО № 5, бывшей внутренней тюрьме Управления КГБ по Краснодарскому краю. В отношении Шабло больше года ничего не производилось. И вдруг в мае — возбуждение уголовного дела. Ей и год назад говорили, что она им не нужна, нужен только я.

Еще интересней, что буквально на днях я получил послание, как обычно делается в таких случаях, от знакомого знакомых, что «кого-то все равно заставят дать показания, и сидеть будешь». Собственно, и так было понятно, что попытки последуют. Мне ведь в ходе следствия обещали реальный срок — три года для начала, а приговор районного суда по моему сфальсифицированному делу — три года условно, с двухлетним испытательным сроком. Очень уж откровенной была эта фальсификация: ни события преступления, ни состава, вообще ничего. Но поскольку в России оправдательных приговоров, особенно по делам ФСБ, не бывает, срок дали условный. Апелляция в краевом суде еще не рассматривалась, хотя со дня вынесения приговора прошло уже почти три месяца. Якобы до сих пор не готов протокол судебного заседания. Уголовно-процессуальный кодекс дает на это три дня...

Интересно также, что дело в отношении Елены Шабло было возбуждено УФСБ, но ведет его Управление Следственного комитета. О причинах передачи дела ничего не могу сказать. Возможно, для того, чтобы при необходимости развести руками: «Мы ни при чем!» Мы не общаемся сейчас на тему уголовного дела с Еленой, поскольку она запугана. Пугают в таких случаях тем, что заменят подписку о невыезде на следственный изолятор. Это, действительно, чрезвычайно легко — и прокуратура, и суды в Краснодарском крае всегда горячо за.

Что стало поводом для первого уголовного преследования?

— Получение общественной организацией «Южный региональный ресурсный центр», в которой я работал тогда и сейчас остаюсь членом правления, гранта администрации Краснодарского края. Поскольку это бюджетные средства, «правоохранители» имеют право возбуждать уголовное дело без обращения потерпевшего.

УФСБ по Краснодарскому краю так и поступило. Никто не понес ни малейшего ущерба, все обязательства по гранту ЮРРЦ выполнил, для выполнения проекта были использованы только средства гранта. Дело возбудили по статье 159.2, часть 3 — мошенничество при получении социальных выплат. Суть обвинения — социологическое исследование в рамках проекта, которое ЮРРЦ заказал маркетинговому агентству «Пилот», было якобы выполнено за счет каких-то иных средств. При этом никаких других денег ЮРРЦ этому маркетинговому агентству не переводил. Самое мягкое, что можно сказать по этому поводу, — бред. Единственное обоснование этого бреда — ничем не подтвержденные слова руководителя маркетингового агентства Виктории Реммлер о том, что она похитила деньги, полученные за проведение исследования, и часть их передала мне. Реммлер продержали сутки в том же СИЗО № 5, и в первых ее показаниях не было оговора. А потом ее сломали. И выпустили под подписку о невыезде. В таких случаях для получения нужных показаний стандартно используется угроза, что ребенку подбросят наркотики.

Второй повод и второе уголовное дело, возбужденное против меня больше года назад по этому поводу, — я не провел как профессор Кубанского госуниверситета один из учебных курсов. Я и понятия не имел, что должен читать данный курс. Моя подпись в учебном плане была подделана, причем очень грубо. В расписании учебных занятий изначально был указан другой преподаватель, который и прочитал курс. И, конечно, не я туда этого преподавателя вписывал. Наконец, это трудовые отношения между работником и работодателем, но никак не уголовное дело! Тем не менее — статья Уголовного кодекса 159, часть 1. Основана она только на лжесвидетельстве двух запуганных сотрудников. Кроме их слов — никаких других подтверждений. Но по приговору Первомайского районного суда за данный

эпизод — 70 тысяч штрафа. Кстати, это очень интересная новация данного суда — теперь любое нарушение в ходе трудовых отношений со стороны работника в России можно без усилий оформить как мошенничество. И подвести человека под уголовную статью! Это второе дело потребовалось, видимо, для подстраховки.

О настоящей причине моего преследования я сказал в заявлениях в том же Первомайском суде в ноябре и декабре прошлого года. Если коротко — от меня требовали признаний в государственной измене. Ни к каким государственным тайнам я не допущен, но, по мнению сотрудников УФСБ, слишком много общался с иностранцами. А чтобы создать условия для признания и держать в СИЗО, возбудили дело по первому попавшемуся под руку поводу. Как я понимаю, нужен был большой «звездный» процесс с большим количеством подсудимых, которые дали друг на друга показания. Я был выбран как первое звено в этой цепочке. Не получилось. Начинается этап мести за это.

Почему краснодарские краевые власти довольно негативно относятся к правозащитникам?

— У краевых властей, то есть у администрации края, по закону нет инструментов влияния на правозащитников. Нет таких инструментов и у муниципальных властей. Поэтому, если бы в крае выполнялись законы, отношение этих чиновников было бы правозащитникам безразлично. Возможности репрессий даны только федеральным властям, действующим на территории края. Это силовики, суды, прокуратура. Проблема — в слабости власти, как это ни парадоксально. Они должны контролировать ситуацию, но в настоящее время не могут это сделать, оставаясь в рамках закона. Слишком сильно народ раздражен коррупцией, попытками передела собственности, пренебрежительным отношением к людям. И слишком активно отвлекаются на решение личных вопросов сами

«правоохранители». Поэтому контролируют, что называется, любой ценой. Чем вызывают еще большее раздражение. Еще хуже, по моей оценке, в этом отношении ситуация в республиках Северного Кавказа. А для Краснодарского края, который всегда был притягательным для мигрантов, характерна еще и активная миграция сюда чиновников в погонах. Кто приехал, уезжать уже не хочет. Фактор «домика у моря»... Очень слабая ротация руководителей силовых структур. Даже в тех случаях, когда она обязательна, в Краснодарском крае сидят на должностях десятилетиями. Соответственно, обрастают коррупционными связями. То есть готовностью хватать и сажать по просьбам друзей и знакомых. А правозащитники, как им и положено, на острие проблемы. Если с официальными контролерами силовикам договориться очень легко, на основе принципа «Одно дело делаем!», то с правозащитниками обычно — невозможно.

Продолжается ли давление на «неблагонадежных» в крае после завершения Олимпиады?

— Оно существенно снизилось. За сам факт несогласия с властью без малейших причин сейчас на 15 суток уже в камеру не отправляют. В то же время это давление грозит проявиться в новых формах, рожденных как раз в ходе подготовки Олимпиады. Например, перепись жителей крупных городов Краснодарского края по месту фактического проживания. Это означает обходы всех квартир и домов, заполнение жильцами анкет — кто живет, почему? С учетом возможности штрафов за проживание не по месту прописки это еще и новая возможность выборочно надавить на тех, на кого хочется надавать. Правовая основа этих переписей непонятна. Законность действий людей, которые будут вторгаться в чужие жилища, — тоже непонятна, особенно в отношении членов казачьих дружин. Вспоминается статья 25 Конституции:

«Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Но наша Конституция все чаще просто игнорируется чиновниками. Она — сама по себе, а жизнь бьет ключом...

Чем вы занимаетесь сейчас, на свободе?

— Это не свобода. Есть обвинительный приговор по сфальсифицированному делу. Кроме того, я не могу выезжать за пределы Краснодара — подписка о невыезде до решения краевого суда. Пока готовлюсь к заседанию по обжалованию приговора в краевом суде, которое когда-то же должно состояться, несмотря на полнейшую безответственность нашей судебной системы. Я уже говорил — на подготовку протокола судебного заседания закон отводит три дня, прошло уже почти три месяца... Затем подам жалобу в Европейский суд по правам человека. Пишу и публикую научные статьи, например, по мифологии Кавказской войны. Пишу и размещаю в Интернете тексты, которые могут помочь правозащитникам. Просто общаюсь с людьми, что очень приятно после года камеры и домашнего ареста.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Преследование Михаила Саввы

На краснодарского социолога Михаила Савву было заведено несколько уголовных дел, ему вменяется мошенничество в разных видах.

